

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«ГРИНВАР»¹

¹ Greenwar (*англ.*) — букв.: зеленая война.

*2020. Дельта реки Нигер. Нигерия.
Нефтепроводы. Земли народа огони¹*

На каждом повороте ведущая машина, военный пикап, поднимала тучи мелкой пыли, которая проникала, куда только могла. За пикапом в пылевом облаке тянулся внушительный караван из десяти грузовиков. Издалека казалось, будто ожившее туманное чудище мчится к ближайшим деревням, чтобы их поглотить.

Солал больше не мог выносить эту въевшуюся пыль. Пыль была в каждом кармане жилета, между всеми деталями пистолета, на щеках, в ушах, под веками, пыль скрипела на зубах. Это сводило с ума.

¹ *Огони* — один из нигерийских народов, проживающий в штате Риверс, в дельте Нигера; вместе с соседями, народом иджо (изон), огони стали основными жертвами деятельности британской транснациональной нефтяной и газовой компании «Шелл» в Нигерии.

Солал был типичным военным офицером — с жестким взглядом, короткими волосами, лет сорока, плюс-минус десять, определить невозможно. Бывают такие мужчины без возраста. Он дважды постучал по термометру на приборной панели. Если температура поднимается выше пятидесяти градусов, тело перестает нормально функционировать, и без охлаждения организм быстро выходит из строя. Сегодня сорок шесть градусов, неслыханная жара даже для этой части Африки, то есть майор Солал был в четырех градусах от теплового удара и смерти. Буквально. Тридцать сотрудников нигерийской мобильной полиции, которые ехали в грузовиках, переносили зной лучше, но им тоже было жарковато.

Все сто километров пейзаж не менялся. Выразительная линия пальм на горизонте прорезала ослепительно-синее небо, словно природу здесь никогда не тревожили и она осталась такой же, как миллион лет назад. Но когда солнце ненадолго освещало эту линию, пальмы становились такими, какими были сейчас, чахлыми и истощенными.

Если кто и решался посмотреть вниз, то видел лишь черную грязную землю, пропитанную нефтью из разваливающихся трубопроводов, которая разъедала корни деревьев у небольших речушек. Вода в липких радужных разводах переливалась миллионами цветов. Это был яд, которым напиталась почва, этот яд отравил самые глубо-

кие слои подземных вод, и земля больше не могла его поглощать. Солал закутал нос и рот платком, но тщетно: зловоние углеводородных паров проникало глубоко в легкие. Это зловоние ощущалось на языке и нёбе, как если бы он лизнул пол на бензозаправке.

По обе стороны дороги в небо били огромные языки пламени, окруженные черным, плотным, почти осязаемым дымом. При добыче нефти выделялся газ, который сжигался здесь в больших емкостях, хотя этот метод был давно запрещен, и Солалу приходилось задерживать дыхание, чтобы не задохнуться.

— Десять минут до пункта назначения, — передали по рации.

Через указанное время колонна машин затормозила у въезда в деревню Гой, и пришлось дожидаться, пока пыль не осядет тяжелыми хлопьями, чтобы что-нибудь рассмотреть.

Там, словно на перроне невидимой станции, затерянной в густых зарослях, под большой дырявой жестяной крышей собралось около трехсот человек — женщин, мужчин и детей; у их ног в чемоданах, холщовых сумках и мешках для мусора лежало все их имущество. Перед толпой стояли четыре сотрудника из «Международной Амнистии», среди них француженка-экспатриантка, которая заставила Солала сюда приехать, хотя ему этого совершенно не хотелось. Уже в плохом настроении Солал ступил на землю.

— Спасибо, капитан, что проделали такой путь, — поприветствовала его француженка. Футболка на ней была потной.

— Майор, а не капитан. И не надо благодарности, я здесь не по своей воле.

Солал подал знак, и три десятка нигерийских полицейских в черной форме, зеленых беретах, солнцезащитных очках и с автоматами Калашникова выпрыгнули из грузовиков. Их командир Абайе, начальник нигерийской полиции, сошел последним. Несмотря на жару и невыносимую вонь, он невозмутимо закурил в сторонке, давая понять Солалу, что большего от него ждать не следует, если тот еще не сообразил. Он тоже был вынужден согласиться на это задание. Министерство иностранных дел обязало Солала нянчиться с этой молодой француженкой из гуманитарной миссии и репатриировать ее, а комиссар полиции Абуджи¹ возложил на суперинтенданта Абайе ответственность за безопасность французского майора.

— Я думал, деревня Гой была эвакуирована после разлива нефти, — заметил Солал. — Так что же они до сих пор здесь делают?

Француженка улыбалась, несмотря на явное раздражение собеседника.

— Разлив нефти? О котором из них вы говорите? В этой дельте их было более четырех тысяч.

¹ *Абуджа* — столица Нигерии.

Огони не знают, куда податься. Местные нефтяные компании, «Шелл» или «Эни», которые тут все загрязняют, «Мстители дельты Нигера», которые разрушают инфраструктуру, коррумпированная полиция и армия... К кому они могут обратиться за помощью? Даже вы здесь лишь потому, что я француженка и посольству совсем не нужно, чтобы я исчезла, на меня напали или где-нибудь закопали.

— У каждого свои обязанности. Я здесь не для того, чтобы спасти Нигерию, я должен доставить вас в безопасную зону посольства в Абудже.

Девушка повернулась к деревенским жителям, усталым и взволнованным, вверившим судьбу этим незнакомцам.

— Но сначала мы позаботимся о них? — уточнила она.

— Это наше задание. Вы же наверняка не сможете их тут бросить. Так куда их отвезти?

— В Порт-Харкорт, это в шестидесяти километрах.

— В эти трущобы?

— Там все равно лучше, чем здесь. Рыба гибнет, то, что растет на земле, почти мертво, а вода в колодцах отравлена тяжелыми металлами. Воздух настолько грязный, что идут кислотные дожди, они проедают жестяные крыши и превращают камень в пыль. А представьте, что делается с их кожей. Дельта — одно из первых мест в ми-

ре, где жизнь просто исчезла. Так что трупы для этих людей — совсем неплохо.

Солалу нигерийская полиция не подчинялась, и он попросил суперинтенданта Абайе начать операцию. Триста жителей деревни согнали в кучу, как скот, их подталкивали прикладами и пихали кулаками. Солал смотрел на это, но вскользь, чтобы образы не перекочевали в мозг, а из мозга в душу. Не думать. Не вспоминать. Оставить все это дерьмо здесь, в этой части Африки, которую он надеялся скоро покинуть и не хотел запоминать. И все же...

Сначала он заметил слепого ребенка, которого несла мать, — его белесые глаза ярко выделялись на черной коже. Другой взбирался по металлическим ступенькам в грузовик, но непослушные руки и ноги непрерывно тряслись. В конце концов один из солдат не вытерпел и подкинул его в кузов. К третьему ребенку, кожа которого висела сухими лоскутами по всей спине, туловищу и тонким рукам, даже не притронулись, такое отвращение он вызывал. Старики казались мертвецами, взрослые — увядшими, дети — больными.

А когда в грузовиках закончилось место, стали выбрасывать за борт их баулы. Но никто не возмущался: люди сомневались, что «Международная Амнистия» уберезет их от побоев или чего-нибудь похуже.

— У меня еще одна просьба, майор, — нерешительно произнесла француженка, почти уверенная, что ей откажут.

— Ответом будет «нет», — отрезал Солал, которому не терпелось поскорее убраться отсюда.

— Всего метрах в ста. Это очень важно.

Ему пришлось пойти за девушкой, поскольку она уже двинулась вперед. За ними последовал недовольный Абайе и двое его подчиненных. Расстрелявшаяся темная грунтовка, уходящая в чащу голых деревьев, привела к глубокой яме, до краев заполненной трупами на разных стадиях разложения. Человек двести, а может, и вдвое больше. Запах гниения смешивался с запахом нефти. Много детских трупов, гораздо больше, чем взрослых.

— За пять лет более тридцати миллионов литров нефти попали в Атлантический океан, — сказала девушка. — Вы стоите на одном из самых отравленных мест на земле, и это лишь часть печальной реальности. В каждой деревне десятки смертей в неделю, их просто не успевают хоронить.

— Вы издеваетесь? — прорычал Солал. — Я-то тут при чем?

— Кроме Гой, вокруг этой братской могилы двадцать небольших поселений. Трупы гниют на солнце, микробы размножаются, здесь рассадник инфекций. Надо бы вернуться с экскаватором,

выкопать яму побольше, засыпать известью и добавить метра три земли. Одному Богу известно, какие болезни расползутся отсюда.

Страшная реальность исподволь разъедала душу Солала. Он задал вопрос, но сразу проклял себя — ответа он совершенно не хотел слышать.

— Почему столько детей?

— Причин много. Преждевременная смерть, отравление свинцом, рак, сердечно-сосудистые, респираторные, неврологические заболевания. Каждый второй ребенок болеет. Средняя продолжительность жизни в Нигерии пятьдесят пять лет, но в дельте она снижается до сорока. Одна только нефтяная промышленность отнимает пятнадцать лет жизни. Их полтора миллиона, и поскольку страдает уже второе поколение, у них было украдено в общей сложности сорок пять миллионов лет.

Образ гигантского ненасытного вампира, который навис над этой землей и одним махом высосал сорок пять миллионов лет жизни, усилил отвращение Солала. Француженка смотрела, как он подходит к командиру Абайе и что-то ему говорит. Абайе бросил взгляд на яму с трупами и будто бы дал согласие.

Когда француженка присоединилась к когорте солдат и остальных членов «Международной Амнистии», вереница грузовиков с последними выжившими из деревни Гой наконец отправилась в путь, покидая место, с которым не мог срав-

ниться никакой ад. Солал, Абайе и двое полицейских остались. Они выкачали три четверти бензобака одной из машин. Достойных похорон не будет. Сюда никто не вернется.

Черный столб, поднимавшийся от горящих тел в небо, был виден за много километров.

Рожденные в нефти, питающиеся нефтью, умершие от нефти, сгоревшие от нефти.

При виде густой черной тучи француженка сразу поняла, что сделали Абайе и майор. Она закрыла глаза. Подобно затопленной земле, которая больше не может впитывать воду, она не могла больше это выносить.

Солал сел в машину, и до конца поездки они с Абайе не обменялись ни словом. У города Абуджа на мобильник пришло сообщение. Он и не думал, что сегодня сможет улыбнуться.

«Досрочный вылет. Ты возвращаешься во Францию, Виржилль!»

2

Париж. Родильное отделение Пор-Рояль

Его первенец. Девочка. Виржилль Солал боялся за нее еще до рождения. И отныне будет бояться все время.

Он найдет более спокойную работу, чтобы не покидать Францию, и откажется от командировок на пяти континентах. Пусть останется только один континент, одна страна, один город, один район, один дом, одна детская комната... Достаточно большая территория, которую нужно защищать.

Вскоре их станет трое.

Он видел дочь на нескольких нечетких УЗИ, когда получил открытку от жены. Маленькое существо, плавающее в питательной жидкости. Не терпелось наконец-то познакомиться с ней.

В четвертый раз акушерка приказала Лоре тужиться, и в четвертый раз крики Лоры эхом отразились от стен коридоров родильного отделе-

ния, украшенных детскими рисунками и фотографиями улыбающихся младенцев. Лора впиалась ногтями в ладонь Виржилия. Это была самая чудесная пытка в жизни, он даже убедил себя, что способен простым касанием рук оттянуть на себя часть ее боли.

Однажды в детстве Виржилъ тяжело заболел, и мать, сетуя на свое бессилие, молилась: «Если бы я могла забрать твою боль...»

— Если бы я мог забрать твою боль, — прошептал он Лоре.

Как напуганный пассажир самолета, попавшего в турбулентность, смотрит на стюардессу, чтобы понять серьезность ситуации, так и Виржилъ не сводил глаз с акушерки, пытаясь расшифровать выражение ее лица, слова и интонации.

Он услышал, что показалась голова, появилось плечо, услышал радостные возгласы Лоры, ее прерывистое дыхание. Он услышал, как заколотилось собственное сердце, словно рвалось навстречу дочери. Затем, когда медсестры перестали суетиться, он понял, что ребенок появился на свет. На секунду он увидел дочь, розовую, мокрую, пухлую и выпачканную, и она исчезла за блузой акушерки, чьи добрые руки повторяли движения, которые делали уже тысячи раз.

Затем движения стали неуверенными и более резкими.

Потом исчезли звуки.

Кроме оглушающего звука тишины, которой не должно было быть.

Акушерки выбежали в коридор и стали звать педиатра. Даже панические крики Лоры не заставили Виржилия обернуться. Он не мог пошевелиться от парализовавшего его ужаса. Одна из акушерок два раза стукнула между маленькими лопатками. Запыхавшийся педиатр не глядя оттолкнул ее, отсосал через трубочку жидкость изо рта и носа младенца, чтобы прочистить дыхательные пути. Ребенка интубировали, а Виржилия попросили выйти из палаты. Но он смотрел с такой решимостью, что второй раз просить не стали. Ввели зонд, начали вентилировать крошечные легкие, но те не реагировали. Розовый ребенок стал синим. И не двигался.

— Массаж сердца? — спросила акушерка.

— Бесполезно, воздух не проходит, легкие как будто слиплись, ничего не понимаю, — бормотал педиатр. — Не понимаю.

Виржилъ уставился на край реанимационного стола, на сморщенную ручку, на неподвижные хрупкие пальчики. В нигерийском аду он мечтал, как однажды будет держать в руках эти крохотные ладошки.

Педиатр больше не двигался. Его руки бессильно повисли. Борьба за жизнь ребенка прекратилась.

Сердце остановилось. Клетки мозга уснули в считанные секунды, миллионы клеток...

Виржилъ наконец повернулся к Лоре. Они были как две пустые оболочки, навеки проклятые и умершие в один миг.

Э

*Париж. Два года спустя.
За три часа до первого контакта*

Будильник молчал, но ему все равно крепко досталось от Дианы, пока она не поняла, что звонит мобильный. 5:30 утра.

Вынырнув из глубокого сна, она уставилась на голубой экран, мерцающий в полной темноте, чтобы выяснить, на кого сейчас будет орать. Но оказалась лишена этого удовольствия.

- Майор?
- Извините, Диана.
- Еще очень рано. Или очень поздно. Что-то срочное?
- Сам бы хотел понимать. Меня, как и вас, разбудили, знаю не больше вашего. Подойдите к окну.

Она сунула замерзшие ноги в теплые тапочки, энергично потерла лицо и шагнула к окну. Улицу освещали только фонари.

Норек О.

Н 82 Расплата : роман / Оливье Норек ; пер. с фр. В. Чепиги. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 320 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-21314-2

Оливье Норек — в прошлом гуманитарный волонтер во Французской Гвиане и странах бывшей Югославии, затем офицер полиции с восемнадцатилетним стажем, обладатель уникального опыта и трезвого взгляда на реальность. А кроме того, он звезда нуара, которого сравнивают с Ю Несбё и Жан-Кристофом Гранже, и обладатель нескольких престижных литературных премий, в том числе *Prix Maisons de la Presse*, *Prix du polar européen*, *Étoile du Parisien du meilleur polar* и других.

В новом романе Норек «Расплата» бывший спецназовец Виржиль Солал, безутешный отец, потерявший единственного ребенка, объявляет войну этому миру, ради наживы убивающему детей — убивающему всех без разбора. Чтобы мир стал лучше, нужно, в общем-то, немного — всего лишь внушить руководству и акционерам крупных корпораций, что нельзя бездумно пожирать ресурсы планеты ради непомерных доходов. В своей воспитательной работе Солал готов идти до конца — он не прячется и понимает, что его ждет, но считает, что не может иначе. Действует он хладнокровно, методы его весьма нетрадиционны, дело, увы, не обходится без жертв — и все равно мир сочувствует ему и постепенно пробуждается вместе с ним. А тем временем полицейские ищут Солала — и тех, кого он похитил...

Впервые на русском!

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ОЛИВЬЕ НОРЕК
РАСПЛАТА

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Яков Моселиани
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Анна Быстрова, Людмила Дубовая
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 11.01.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 19,6.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в АО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.aoampk.ru
Тел.: (49638) 20-685

Y-RBD-36248-01-R